

ALEKSEI SHLYAKOV / АЛЕКСЕЙ ШЛЯКОВ
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>
Industrial University of Tyumen

ОБРАЗ НОМАДИЗМА В РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

The image of nomadism in Russian reality

Ключевые слова: номадизм, движение, пространство, образ жизни

KEYWORDS: nomadism, movement, space, lifestyle

ABSTRACT: The article reveals the specific features of nomadism on the basis of an analysis of the work of poststructuralists, social philosophers. These include the increase in the speeds and frequency of movements of material and virtual objects; blurring the line between Home and work due to the proliferation of the Internet; short duration and simulative interpersonal contacts; a change in the topology of a social space designed according to the principles of a smooth and rhizome space in metropolis, which leads to a nonstop movement. It has been established that in Russian reality manifestations of nomadism can be found in the design and use of spaces of large cities, in the motorization of the population, the development of international and domestic tourism, as well as the emergence of the phenomenon of digital nomads.

1. Постановка проблемы и основные понятия

В последние десятилетия невозможно не заметить рост изменений, происходящих в единицу времени в различных областях социального бытия. Меняются регламенты, стандарты, требования, потрясают радикальные преобразования в политике и экономике. Образ жизни современного человека напоминает бесконечную гонку, конца которой не существует. Человек постоянно пребывает в безостановочном движении: из дома на работу, на работе, с работы домой. Даже параметры реализации личности в обществе такие, как «успех», «успеваемость», «успешность», этимологически связаны с усвоением скоростных режимов. Процессы глобализации, упразднившие национальные границы государств, позволяют беспрепятственно перемещаться не только в пределах одного государства, превращая территорию Земли в поле кочевания, а самого человека в кочевника. Развитие индустрии туризма, а также распространение сетевых гостиниц и ресторанов быстрого питания позволяют человеку безбоязненно покидать границы родной

страны и при этом ожидать, что везде можно чувствовать себя «как дома». Такое планетарное кочевничество в современной гуманитарной науке получило название *номадизм*.

В современной науке принято говорить о мобильности, подразумевающей социальные перемещения, что несколько сокращает область исследования (Сорокин 2005; Филлипов 2012). *Номадизм* подразумевает движение человека в социальном, в ландшафтно-территориальном и в виртуальном пространствах.

Термин *номадизм* в гуманитарных науках изначально обозначал кочевой тип хозяйственной деятельности, который в период индустриального общества рассматривался с позиций седентаризма, как отсталый (Хазанов 2008). Второе значение – глобальное кочевничество – термин *номадизм* приобрел в философии постструктурализма (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) и в социальной философии позднего модерна (Ж. Аттали, З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Э. Тоффлер). В отечественной науке обращение к исследованию *номадизма* обнаруживается в трудах А. К. Секацкого, А. В. Головнева и др.

Делёз и Гваттари разрабатывают концепт *номадизма* для описания акта сопротивления любым формам власти и принуждения. *Номадизм*, именуемый ими «машина войны», выступает в оппозиции к «машине Государства». Для *номадизма* война не является целью, в *номадизме* осуществляется процесс детерриторизации, ускользания и перераспределения потоков движения.

Война – лишь мерзкие отбросы машины войны: либо, когда она вынуждена приспособиться под аппарат Государства, либо, что еще хуже, когда она сама конструирует аппарат Государства, приспособленный лишь для разрушения (Делёз 2010, 378).

Помимо этого, Делёз рассматривает *номадизм* как процессуальность саму по себе, как бесконечный акт становления человека как машины желаний и тела без органов (Делёз 2007). Теоретики общества рассматривают *номадизм* как образ жизни человека нового тысячелетия:

Номадизм – термин для обозначения культуры потребления и определения стиля жизни в будущем тысячелетии. Развлечение и досуг будут посвящены идеалу путешествий; уже сейчас телевидение позволяет нам путешествовать во времени и пространстве, в реальном и придуманном мирах. Более того, мы можем это делать, не покидая своего уютного кресла, благодаря новым технологиям (Аттали 1993, 61).

Бауман рассматривает современного человека-номада как потомка паломника. *Номадизм* обнаруживается им в таких социальных проявлениях, как фланирование, игра, туризм, бродяжничество. Объединяющими свойствами,

позволяющими относить эти формы поведения к номадическим, Бауман называет фрагментарность и прерывность коммуникаций, неприятие любых «связывающих пут и долговременных отношений», установление жесткой дистанции с Другим, «исключение при взаимодействии с Другим этической составляющей», концентрация на эстетическом аспекте (Бауман 1995, 134).

Тоффлер отмечает рост антропотоков, при котором теряется значение «места», перемена места становится повседневной рутинной. По собранным им данным, около 1,5 млн. немцев провели отдых в 1967 в Испании, несколько сотен тысяч расположились на пляжах Голландии и Италии. Ежегодно в Швецию въезжает более 1,2 млн. иностранцев. Каждый год Швецию посещает более 1,2 туристов из Скандинавии. Каждый год США принимают более 1 млн. туристов, в то время как 4 млн. американцев совершает путешествие за океан (Тоффлер 2011, 34).

Если такие перемещения совершаются часто, то человек утрачивает чувство привязанности к дому и чувство долга. Источниками современного номадизма Тоффлер называет непропорциональное развитие экономики разных стран, а также развитие высоких технологий и сети интернет, стирающих границу между домом и работой. Необходимо отметить, что в период постиндустриального общества кочеванию подвергаются не только люди, но и вещи, и теории, и капитал, и ценности.

В общем случае, характерными чертами номадизма в постиндустриальном обществе можно назвать следующие: рост скоростей и частоты перемещений материальных и виртуальных объектов; стирание границы между домом и работой, обусловленное распространением сети интернет; кратковременность и симулятивность контактов; изменение топологии социального пространства, сконструированного по принципам гладкого и ризомного пространств в городах-мегаполисах, что побуждает к безостановочному движению. Мы предлагаем определять номадизм как социальную стратегию по обеспечению движения, ориентированную на разрыв с любой закрепленностью.

2. Пространственная среда города

Несмотря на то, что проект номадизма был ориентирован на перспективы развития западноевропейского общества, сегодня признаки номадизма можно обнаружить и в российской действительности в крупных городах. В современных российских городах все меньше остается мест уединения и покоя, а само пространство города-мегаполиса проектируется таким образом, чтобы способствовать беспрепятственному движению. Подобное уже происходило в западных мегаполисах: «В современном городе можно только работать или

развлекаться, но все сложнее делать то, что не сводится к 'убиванию времени' – пускать корни, растить детей, жить и умирать» (Лэш 2002, 95).

Проекты безостановочного движения разрабатываются в Москве (О разработке концепции... 1996), Тюмени (Тюмень 2018), Саратове (Free News Volga 2016) и других крупных российских городах. В рекомендациях Минстроя 1994 г. по проектированию улиц и дорог городов и сельских поселений Российской Федерации п.2.8 гласит о преимуществе безостановочного движения (Рекомендации... 1994). Безостановочное движение становится «главным трендом» проектирования дорог в крупных городах, по заявлению председателя правления «Автодора» С. Кельбаха (Коммерсант 2016). Подобные развязки и дороги отнюдь не способствуют достижению цели движения (скорейшему попаданию в пункт назначения), а лишь обеспечивают его бесперебойность, превращая само движение – в цель, а субъекта движения в номада.

О подобных путепроводах и их влиянии на человека писал Бодрийяр (1997, 110), отмечая, что они формируют атмосферу всеобщего безразличия, позволяя каждому индивиду двигаться по своей орбите, не пересекаясь и не встречаясь ни с кем, так как все движутся в одном направлении.

Таких пространств, не предусматривающих покой и замедление, в современных городах становится все больше, дороги наступают на парки, рекреационные зоны. Локальности, требующие движения, М. Оже (2007, 86) назвал «не-местами». В них нет историчности, и они оказывают десубъективирующее действие на человека, способствуя рассеиванию его идентичности. К таким «не-местам» Оже относит автострады, переходы метро, перроны вокзалов, порты. «Не-место» существует не для того, чтобы в нем быть, а для того, чтобы его преодолеть. Когда локус приобретает данное извне собственное имя и перестает «быть» для самого себя, возникает «не-место». Именование навязывает ему ряд предписаний, превращая пространство в канал перехода, а субъекта в дистанцированного от ландшафта потребителя информации.

В «не-месте» сосуществуют две самостоятельные реальности: реальность пространства, созданного с определенной целью (транспорт, транзит, торговля), и отношения, выстраиваемые человеком с этими пространствами (Оже 2007, 102). Эти отношения индивида с пространством «не-мест» устанавливаются с помощью текста (рекламных щитов, брошюр, инструкций по использованию, императивов и запретов). Еще в середине прошлого века постструктуралисты Р. Барт, Ж. Деррида прогнозировали пантекстуальность (превращение мира, культуры, в текст), элементы воплощения которой можно наблюдать сегодня в и российской действительности. Ряд локальностей, в которые мы попадаем, проезжая по автомагистрали, прогуливаясь по торговому центру, проходя по перрону вокзала, частично определяются текстом, который они нам предлагают. Этот текст состоит из указаний («Придерживайтесь правого ряда»), запретов («Запрещается провозить оружие»),

информирований («Следующая остановка – Индустриальный университет»). Как пишет Оже, «именно так устанавливаются правила движения, в которых субъектам уготовано только взаимодействие с текстами, написанными от лица ‘моральных инстанций’ или институтов» (2007, 104). Транспортные пути тоже ведут через рекламные билборды, сообщающие о достопримечательностях или событиях, избавляя человека от необходимости останавливаться, предлагая удовлетвориться считыванием текста.

В 2018 г. в России введено в эксплуатацию 275 км автодорог. Помимо этого, запланированы крупные строительные проекты, среди которых Скоростная автомобильная дорога Москва – Нижний Новгород – Казань (729 км), Восточный скоростной диаметр в Санкт-Петербурге, Скоростная дорога Джугба-Сочи, несколько обходных дорог (Астрахань, Барнаул, Рязань, Краснодар), а также федеральные трассы (Крупные российские проекты). Вместо экзистенциала Дом, выступающего значимой точкой оседлого существования, человеку предлагается Путь, призывающий к движению. Увеличение количества скоростных автомагистралей, не предусматривающих покой и остановки, приводят к возникновению «не-мест», которые производят рассеивание идентичности человека.

3. Автомобильность

Процессу номадизации, то есть доминированию движения над покоем, способствует и растущая в России автомобилизация. Количество личных автомобилей, находящихся в собственности в России, растет. По данным аналитического агентства «Автостат», в 2016 г. среднее по стране количество автомобилей на 1000 человек составило 285 (Рейтинг регионов... 2016). Конечно, эта цифра ниже, чем в США или развитых странах Европы, но она с каждым годом увеличивается. Дж. Урри пишет:

Как только политическое сдерживание автомобильности устранилось с распадом СССР, Москва оказалась подчинена системе автомобильности в той же мере, в какой ей подчинен Лондон или Нью-Йорк (2012, 26).

Как пишет А. Ганжа, в современном мире автомобиль позволяет быть мобильным в мобильной среде, в которой главное не быстрота достижения пункта назначения (парадокс современного крупного города в том, что пешеход, использующий общественный транспорт или метро, скорее преодолевает городские расстояния), а синхронизация с потоками городской жизни (Ганжа 2012, 292). Формирование пространства становится зависимым от движения и, в частности, от движения личного автомобиля. Автомобиль предлагает

свободу движения, устраняя формальные остановки, пересадки, а улица наделается функцией «делать движение возможным». Автомобиль становится не только предметом одежды субъекта, как считал Г. Маклюэн (2003, 247), но и продолжением его тела. Без него человек чувствует себя нагим, несовершенным, уязвимым. Автомобиль становится населением города, диктующим свои условия пространству. Пространство города должно отвечать требованиям этого мобильного агента. Оно постепенно изживает замкнутые локальности, которые не имеют связи с потоками людей, транспорта, финансов, информации. Пространство города ориентировано на обеспечение всеобщего транзита и служит «маршрутизации человеческой жизни» (Ганжа 2012, 308), превращая человека в кочующегономада.

Современные городские ландшафты проектируются для обеспечения автомобильности. Невозможно представить себе российскую новостройку в крупном городе, в которой не были бы учтены парковочные места, пути подъезда. Также парковочные места должны быть предусмотрены и у места работы, и у места отдыха (торговые центры). Возникает впечатление, что сооружение не имеет собственного бытия, а лишь вплетено в сеть дорог, оно уже не место, а узел столкновения и распределения потоков движения. Автомобилист в такой пространственной среде все ценности и нормы подчиняет единственной цели – обеспечению движения, все, что препятствует этому или замедляет его (пешеходы, полиция, животные, велосипедисты), становится объектом ненависти (Урри 2012, 251).

Присутствие автомобиля в жизни человека приводит к тому, что ставится под сомнение значимая точка координат оседлого существования – дом. Обживание автомобиля способствует его превращению в подвижный дом на колесах, упраздняя саму сущность Дома, заключающуюся в неподвижности, устойчивости. Наличие автомобиля позволяет изменить повседневные практики, сделать их независимыми от централизованного транспорта, от его графиков и расписаний. Обладание автомобилем упраздняет соотношение «центр-периферия» в пространственном восприятии, делая каждую точку пространства одинаково достижимой. Такое «а-центрированное, а-структурное» пространство, которое было описано Делёзом и Гваттари, получило название ризома, именно оно обеспечивает процессы детерриторизации-ретерриторизации и способствует номадизации. Сам человек, находящийся за рулем автомобиля, вплетен в ризомную сборку, составляя гибрид со своей машиной. В результате способ спатильности (опространствования) автомобилиста становится номадическим, исходящим не из экзистенциального опыта пешехода, для которого путь определяется неподвижными точками, а из переживаний движущегося за рулем субъекта, для которого точка отсчета принадлежит пути и движется вместе с субъектом.

4. Перспективы номадизации в России

Распространение номадизма в России можно спрогнозировать и по другим траекториям: 1) туризм, как международный, так и внутренний; 2) трудовая мобильность (академическая); 3) цифровые кочевники (фрилансеры, удаленные работники). По данным ФСБ РФ и органов, контролирующих пересечение государственной границы, в 2017 г. граждане России выезжали за ее пределы 41 989 261 раз, что на 24,13% больше, чем по итогам 2016 года, когда россияне выезжали за границу 33 827 420 раз (Выезд граждан... 2017). Обращение к анализу базы данных социологических исследований показал, что отдых за границей для россиян становится более доступным. По данным опроса, опубликованного О. В. Лысовой, (2012) о доступности отдыха за границей сообщили 77,4% респондентов; для 22,6% туристов отдых за границей является недоступным. На вопрос «Проводите ли Вы отпуск за границей, если да, то, как часто?» ответы распределились так: «два раза в год и чаще» – 17,6% респондентов; «раз в год» – 29,4%; «раз в два года» – 8,7%; «реже» – 13,3%. Конечно, финансово-экономические кризисы последних лет существенно повлияли на эти цифры в сторону уменьшения (вплоть до обнуления в 2009 г.), однако спад международного туризма привел к увеличению объемов внутреннего туризма (Джанджугазова 2015).

Неутолимая жажда новизны, желание погрузиться в экзотическое поле, которое при этом остается безопасным, является основным мотивом туристических поездок. Турист стремится к новым переживаниям, впечатлениям. Можно согласиться с мнением, что «по мере того, как туристские вылазки начинают потреблять все больше жизненного времени, когда туристский стиль поведения превращается в образ жизни, [...] становится все менее и менее ясно, которое из посещаемых мест есть дом» (Бауман 1995, 143). Если в традиционном обществе и на заре модерна путешествие было рискованной авантюрой, требующей как серьезных инвестиций, так и определенных личностных качеств (первые путешественники были представителями маргинальной среды), то сегодня оно относительно безопасно, комфортно и доступно массам. Гарантированный отпуск, возможность использовать его по частям, развитие транспортной инфраструктуры приводит к омасовлению туризма. Туристическая индустрия способствует возникновению у граждан «номадического импульса», выделяя в ландшафте России места, которые искусственно сакрализуются и мифологизируются, и предлагают некий «экслюзив» эмоций, впечатлений, переживаний. Провинция, которая не в силах предоставить комфортные условия для туристов, формирует в сознании потребителя бренд туристического продукта (Великий Устюг – резиденция Деда Мороза, Кострома – родина Снегурочки, Киров – родина бабы Яги). В погоне за привлечением туристов регион мимикрирует под

ожидания публики, воспринимая культурные особенности как способ заработка, тем самым разрушая свою местную идентичность. Возникают различные формы туризма на любой вкус: познавательный, рекреационный, гастрономический, экологический, экстремальный и даже космический. «Сидение дома» воспринимается как лень, как символ неудачника. Туризм постепенно становится образом жизни, а сама жизнь превращается в туристическое приключение, возникает страх привязанности к дому.

Способствует номадизации общества и мобильность трудовых ресурсов. По данным 2018г. число въехавших на территорию России трудовых мигрантов составило около 6 млн. человек. В основном потоки мигрантов идут из стран бывших союзных республик, среди которых лидирует Узбекистан (2.149.897 граждан Узбекистана, в том числе 1.766.100 мужчин и 383.797 женщин). ФМС России отмечает миграционный прирост 211878 человек (Федеральная служба... 2017). Отмечается, что лишь около 70% прибывших в России трудятся на законных основаниях, поэтому постоянно растет количество мигрантов, депортированных из страны. Наряду с этим необходимо отметить и поток трудовых ресурсов, выезжающих из страны в поисках лучшей доли. Количество выехавших из России граждан в 2017 г. составило 4 561 622 человек (Федеральная служба... 2017). Мы не обращаемся к социально-психологическим рискам, сложностям и противоречиям, которые связаны с миграцией, мы лишь обнаруживаем на территории России увеличение подвижности антропотоков, свидетельствующих о номадизации.

Реализация проекта Министерства науки и высшего образования РФ по международной академической мобильности способствуют увеличению подвижности антропотоков. Если количество россиян, выезжающих за рубеж по программе академической мобильности пока незначительно (за рубежом обучается лишь 0,8% российских студентов от общего числа студентов), то общая численность иностранных студентов по всем формам обучения в России растет и сегодня составляет 3,9%. В 2017 году их численность составила 240 924 человек, что больше на 16 654 человек по сравнению с предыдущим годом (Краснова 2017). Такие приезжие номады рассматривают территорию нашей страны как «транзитное пространство».

Еще один немаловажный аспект номадизации России – это появление нового вида кочевников – цифровых кочевников (англ. digital nomads). Получивший свое развитие в связи с распространением сети интернет и высоких технологий феномен связан с перемещением по всему миру и осуществлением трудовой деятельности удаленно. Для того, чтобы совершать цифровое кочевание, необходимо знание английского языка, мощный ноутбук, а также владение востребованными в сети навыками (программирование, дизайн, фотографирование). Статистических данных по учету данной категории населения нет, однако можно отметить, что все большее количество молодых

людей избирают для себя путь фриланса, который не привязывает к точке пространства, не требует соблюдения дресс-кода, не предъявляет жестких императивов расписания и поведения. Как правило, цифровые кочевники избирают для проживания регионы с благоприятным климатом. Наибольшей популярностью пользуются азиатские Таиланд, Гоа (Индия), Вьетнам, южноамериканские Эквадор, Перу, Боливия, европейские Эстония, Чехия, Польша, страны с относительно невысокими ценами на проживание и питание, а также безопасными социально-климатическими условиями. Характеризовать российский номадизм через появление цифровых кочевников проблематично, так как их российская идентичность достаточно размыта и подтверждается лишь заграничным паспортом гражданина РФ.

5. Заключение

Таким образом, номадизм как проект постмодерна по абсолютизации ценности движения и реализации свободы постепенно становится образом жизни и российских граждан. Конечно, в большей степени подвержены номадизации жители крупных российских городов-мегаполисов. Однако если рассматривать население малых городов и сельских регионов как потенциальных трудовых мигрантов, вынужденных в поисках работы переезжать в другие населенные пункты, регионы, то в этом тоже обнаруживаются проявления номадизма.

Библиография

- Аттали, Ж. (1993), На пороге нового тысячелетия. Москва.
- Бауман, З. (1995), От паломника к туристу. В: Социологический журнал. 4, 133-154.
- Бодрийяр, Ж. (1997), Город и ненависть. В: Логос. 9, 110-111.
- Выезд... (2017), Выезд за границу РФ. Официальные итоги 2017г. В: <http://www.atorus.ru/press-centre/new/42238.html> (доступ 17 IX 2018).
- Ганжа, А. (2012), Mobilis in mobili. Об особенностях формирования публичных пространств в г. Москве. В: Логос. 1 (85), 289-310.
- Головнев, А. В. (2009), Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург.
- Делёз, Ж./Гваттари, Ф. (2007), Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Москва.
- Делёз, Ж./Гваттари, Ф. (2010), Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Кн. 2. Екатеринбург.
- Джанджугазова, Е. А./Первунин, С. Н. (2015), Российский туризм анатомия кризиса. В: Российские регионы: взгляд в будущее. 1, 116-129.
- Коммерсант... (2016), Коммерсант 17.06.2016. В: <https://www.kommersant.ru/doc/3014989> (доступ 12 X 2018).
- Краснова, А. Г. (2017), В погоне за академической мобильностью. W: Независимая газета. 27.12.2017. В: http://www.ng.ru/science/2017-12-27/10_7145_mobil.html (доступ 22 IX 2018).
- Крупные... (2018). Крупные российские проекты. В: [https://ruxpert.ru/Крупные_российские_проекты_\(строящиеся\)](https://ruxpert.ru/Крупные_российские_проекты_(строящиеся)) (доступ 25 IX 2018).
- Лысыкова, О. В. (2012), Российские туристы. В: Социологические исследования. 4, 136-143.
- Лэш, К. (2002), Восстание элит и предательство демократии. Москва.

- Маклюэн, Г. М. (2003), Понимание медиа: Внешние расширения человека. Москва.
- О разработке... (1996), О разработке концепции безостановочного движения автотранспорта по Садовому кольцу. 21.02.1996. В: <http://docs.cntd.ru/document/3608028> (доступ 12 X 2018).
- Оже, М. (2007), Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Москва.
- Рейтинг... (2016), Рейтинг регионов России по обеспеченности легковыми автомобилями. Автостат. 23.08.2016. В: <https://www.autostat.ru/press-releases/27115/> (доступ 21 IX 2018).
- Рекомендации... (1994), Рекомендации по проектированию дорог и улиц городов и сельских поселений. Москва.
- Секацкий, А. К. (2014), Шит философии. Санкт Петербург.
- Сорокин, П. (2005), Социальные мобильности. Москва.
- Тоффлер, Э. (2011), Шок от будущего. Москва.
- Тюмень... (2018), Тюмень. Сеть городских порталов. 26 июнь 2018. В: <http://tumen.holme.ru/news/5b31cf7b2930a017ca15a5fa/> (доступ 01 IX 2018).
- Урри, Дж.(2012), Мобильности. Москва.
- Федеральная... (2017), Федеральная служба государственной статистики. 2017. В: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (доступ 14 X 2018).
- Филлипов, А. (2012), Парадоксальная мобильность. В: Отечественные записки. 5 (50), 8-23.
- Хазанов, А. М. (2008), Кочевники и внешний мир. Санкт-Петербург.
- Free News Volga... (2016). Free News Volga. Свободные новости. 7 (376) от 01.03.2016. В: <https://fn-volga.ru/newspaperArticle/view/id/4931> (доступ 30 IV 2018).